

УДК 316.64
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.1
EDN: BXIKXC

Научная статья

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ

Людмила Александровна Беляева

Институт философии РАН,
Москва, Россия,
bel46@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0538-7331

Для цитирования: Беляева Л. А. Современная Россия в массовом сознании жителей страны // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 6–26. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.1. EDN BXIKXC.

Аннотация. В статье рассматривается массовое сознание как теоретический конструкт, разновидность общественного сознания и как реальные отношения населения к России на эмоциональном и рациональном уровнях. Показано, что современное массовое сознание в России есть порождение массовой культуры, которая актуализировалась в процессе модернизации общества в экономической, политической, культурной, бытовой сферах жизни. Сегодня оно находится под воздействием системы массовых коммуникаций и высокотехнологических средств связи, отражая в то же время жизненный опыт разных поколений. Методология исследования основана на трактовке массового сознания как усреднённого сознания всей массы входящих в социальные группы индивидов, в нём стираются индивидуальные различия, особенности людей, которые в каждом единичном случае могут не совпадать с массовым сознанием, но придают ему качественное разнообразие. Эмпирическую базу исследования составили репрезентативные массовые опросы: 8-я волна Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (лето 2023 г.), Всероссийский опрос взрослой молодёжи России (июнь 2020 г.), Европейское социальное исследование (2018–2019 гг.). В представленном в статье анализе данных предпринята попытка определить, насколько российский менталитет более склонен к эмоциональным, чем к рациональным акцентам в отношении к «малой родине», к своей области/республике/краю, к России как стране и обосновано предположение, что эти свойства менталитета составляют особенности такого сложного психологического явления, как российский патриотизм. В статье показано, что на фоне высокого уровня эмоционального отношения к стране и месту жительства респондентов наблюдается рост рационального восприятия проблем общества с выраженной критической направленностью. Таковы оценки привлекательных и непривлекательных черт России, значимости прав и свобод граждан, среди которых первые места с поддержкой более 90% респондентов заняли права, обеспечивающие основные современные жизнеобеспечивающие потребности населения, – занятость, образование, ответственность, безопасность и защита законом. На этом фоне выделяется когорта мо-

лодѣжи 18–24 лет, для которой по сравнению с другими когортами более значимыми становятся политические права и демократические свободы, которые закреплены в Конституции России.

Ключевые слова: массовое сознание, масса, обыденное сознание, менталитет, эмоциональность, рациональность, права

Благодарности: исследование проводится при поддержке РФФ, грант № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

Постановка проблемы. Основные понятия. Эмпирическая база

Массовое сознание как разновидность общественного сознания занимает своё место в современных философских, социологических, психологических, политологических исследованиях. При всей кажущейся очевидности этого феномена он довольно сложен для анализа и интерпретации, сопряжён с другими видами общественного сознания и эмпирически фиксируемыми явлениями. Как самостоятельный предмет исследования массовое сознание рассматривается как общественный феномен, включённый в общественное сознание наряду с философией, религией, политикой и правом, моралью, культурой и наукой. Массовое сознание можно даже интерпретировать как сознание «глубинного народа», при всей неоднозначности этого понятия, предложенного Сурковым [1]. Само массовое сознание реактивно по своему воздействию на массы, манипулирует ими, играет свою роль в формировании массовых движений, особенно в переломные и опасные периоды развития общества. Можно допустить, что массовое сознание аккумулирует в себе в упрощённом виде все другие формы общественного сознания, воздействующие в разной степени на отдельных включённых в массу индивидов и социальные общности, оказывая влияние посредством отдельных личностей на всю массу и ту энергию, которая образуется в самой массе.

Первые опыты анализа массового сознания фиксируются в литературе с конца XIX в. и связаны с именем Г. Лебона, который ещё в 1895 году в своей книге «Психология народов и масс» обосновал механизм влияния толпы на человека [2]. В России широкое обсуждение массового сознания началось сравнительно недавно – примерно с середины XX в. [3, 4, 5, 6], а сегодня в связи с качественными изменениями информационного пространства и существенными изменениями самого носителя этого сознания, а главное, с выявлением его связи с практическими действиями – массовыми выступлениями, привлекает особое внимание исследователей [7–17].

Массовое сознание – это усреднённое сознание всей массы входящих в социальные группы индивидов, в нём стираются индивидуальные различия, особенности людей, которые в каждом единичном случае могут не совпадать с массовым сознанием, но сообщают массовому сознанию качественное разнообразие. В массе объединяются индивиды, имеющие разное социальное положение, профессии, образование, возраст, разную национальность. Как отмечал Д. В. Ольшанский, массовое сознание включает основной (первичный) – эмоционально-действенный и вторичный – рациональный уровни. В основе массового сознания обычно лежит яркое эмоциональное переживание некой социальной проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность. Это может быть война, революция, масштабный экономический кризис, реформы и т. д. Крайняя степень переживания проблемы выступает как системообразующий фактор массового сознания. Такое переживание, проявляясь в сильных эмоциях или чувствах, заслоняет собой все другие привычные правила жизни – групповые нормы, ценности и образцы поведения [9, с. 20].

Отмечаемое в современных исследованиях усреднение образа жизни, наряду с усилением различий крайних имущественных страт, содействует тому, что масса приобретает некоторые общие черты, оставаясь всё же внутренне дифференцированной по тем или иным своим характеристикам. Эта внутренняя дифференцированность имеет воздействие на структуру массового сознания, которое является неоднородным, «слоистым», пористым, как его охарактеризовал Б. А. Грушин, оно отражает различные типы его носителей [4, с. 35]. Оно дифференцировано по разным содержательным и формальным видам, которые самостоятельно существуют в границах действия различных массовых субъектов. Важное уточнение сделал Г. Г. Дилигенский, который считал, что исторические типы массового сознания детерминируются объективными и субъективными познавательными возможностями его субъектов, доступными им социальными знаниями, их собственными когнитивными способностями, уровнем их интеллектуального развития [5]. При этом в отдельных секторах массового сознания формируется то, что называется общественным мнением, которое представляет собой частный случай массового сознания. Массовое сознание всегда существует в конкретной форме, которая реализуется в массе индивидуальных сознаний, но не совпадает с каждым из них в отдельности.

Носителями массового сознания является, как правило, не всё общество, а отдельные локальные образования, достаточно обширные, чтобы быть классифицированными как массы. Такая масса имеет свои содержательные границы, специфику, в ней индивидуальные и групповые признаки представлены в синтетической форме. Массовое сознание представлено

как надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, но индивидуальное по форме функционирования, хотя и реализуется в массе индивидуальных сознаний. Массовая культура и массовое сознание – специфический продукт современного индустриального урбанизированного общества.

Изучение носителя массового сознания – массы – как объекта исследования было актуализировано в результате процессов модернизации обществ в экономической, политической, культурной, бытовой сферах жизни, при интеграции масс в систему государственных и общественных институтов, с формированием массовой культуры, чему способствовали массовые коммуникации, социальная мобильность и трансформация иерархической материальной и социальной пирамиды общества. Теперь многие авторы рассматривают массовую культуру как соответствующую современному индустриальному обществу, в котором наблюдаются приемлемое качество жизни, высокий уровень образования больших масс населения, развитая система массовых коммуникаций, повсеместное использование высокотехнологичных средств связи. В современной социологии понятие «массовая культура» всё более утрачивает свою критическую направленность. Сегодня уже архаизмом является квалификация массового сознания как принадлежащего «черни», «тёмной», «неразвитой» массе, которая не может выработать свою позицию и поэтому следует транслируемым от «культурных» элит предназначенным для неё социальным и культурным нормам и представлениям, оказывается исключительно продуктом влияния извне. Ортега-и-Гассет писал: «Толпа – понятие количественное и видимое. Выражая её в терминах социологии, мы приходим к понятию социальной массы. Меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Масса – это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстаёт перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безликого общего типа» [18, с. 197]. Г. Лебон, как первый учёный, обративший внимание на феномен «масса», был довольно категоричен, относя к характеристикам этой категории общности такие черты, как анонимность (безнаказанность), заразность (распространение мнения), внушаемость (толпу можно заставить видеть даже то, чего нет на самом деле), стремление немедленно претворить свои идеи в жизнь [2]. Они, как отмечает Т. С. Злотникова, имеют у Лебона в своём основании физиологизм, основанный на пристрастии «толпы» к восприятию простых, едва ли не осязаемых образов и к отказу от интеллектуальной (аналитической) работы [17, с. 53]. Длительный тренд исследований, именно так оценивающих субъект мас-

совой культуры и сознания, сейчас также имеет своих сторонников, находя в носителях массового сознания такие «отсталые» слои [19].

С развитием исследований массового сознания было выявлено, что оно как особый тип общественного сознания обладает сложной структурой и функциями, может быть классифицировано по уровням – высокий, средний и низкий. Массовое сознание в современных условиях находится во взаимодействии с научным, культурным, религиозным и другими уровнями сознания, проходит в своём развитии разные исторические этапы. Ему свойственно воспринимать воздействия извне специализированных импульсов, направленных на его изменение и на манипуляцию им. Т. С. Злотникова, в частности, обращает внимание на интегральный характер массового сознания, которое имеет корреляцию с отдельными философски осмысленными концептами, характеризующими бытие в его широком смысле [17, с. 53].

Массовое сознание не идентично обыденному сознанию, которое отражает представления и стереотипы, рождаемые непосредственным повседневным, часто бытовым опытом людей и доминирующие в социальной общности, которой они принадлежат. Обыденное сознание включает в себя индивидуальный и коллективный опыт, но может ориентироваться и на научные знания, не включённые в актуальные обыденные практики, но имеющиеся в виду в силу образованности и интеллектуальной развитости человека.

В отличие от обыденного, массовое сознание обычно рассматривается как рефлексия по отношению к тем объектам и предметам, которые оказываются вне поля повседневных практик людей, составляют некий промежуточный пласт сознания между обыденным и научным, религиозным, культурным и другими специализированными уровнями сознания.

Следует также «развести» такие понятия, как массовое сознание и общественное мнение. Первое не идентично второму, оно шире его по своему строению, по качеству отражения жизни и формам проявления. Общественное мнение представляет собой частный случай массового сознания, оно, по мнению Б. А. Грушина, должно квалифицироваться в качестве особого случая массового сознания, хотя и реализующегося в массе индивидуальных сознаний, а являющиеся его носителями субъекты будут квалифицироваться в качестве особого рода человеческих общностей – масс [20, с. 255].

Таким образом, обращаясь к нашему предмету исследования – массовому сознанию, можно констатировать, что, несмотря на его изменчивость, пористость, неустойчивость, подверженность влиянию, оно составляет важную часть общественного сознания и тесно связано с массовыми действиями, что определяет актуальность его изучения в контексте обще-

ственного развития. Но рассмотрение массового сознания преимущественно в модусе связи с активностью масс не должно ослаблять внимания к его изучению по отношению к оценкам состояний, тенденций и противоречий общественного развития на социетальном уровне, на уровне регионов и отдельных территорий. Знание этих оценок позволяет изучать настроения масс и оценивать влияние этих настроений на процессы консолидации или разобщения общества, выявить те «скрепы общественного развития», которые можно использовать в каждый период времени.

Сегодня массовое сознание оказывает значительное влияние на решение многих социально-экономических и общественно-политических проблем местного, национального и глобального масштаба. Недаром проводятся многочисленные исследования общественного мнения, которые служат инструментом изучения и измерения массового сознания по тем или иным вопросам – от электоральных проблем до оценки и корректировки политического и социально-экономического курса внутри страны и в мире.

Изучение общественного мнения основывается, как правило, на различных методиках, используемых в научных дисциплинах, – социологических, психологических, политических, экономических. При этом применяются различные методы – как традиционные, так и с использованием информационных технологий: массовые и экспертные опросы, фокус-группы, наблюдения, в том числе включённые наблюдения при массовых акциях, анализ информации в интернете, личных чатов, гражданской журналистики и т. д. Сегодня широко используются возможности информационных технологий для изучения и воздействия на массовое сознание населения усилий идеологических структур, органов правопорядка, политических организаций, других сил влияния. Выделяются три направления в этой сфере: а) анализ содержания средств массовой информации; б) формирование нужного содержания СМИ; в) конструирование нужных событий путём управления информацией в СМИ [21].

Достоверность результатов изучения массового сознания посредством опроса населения зависит от многих факторов – применяемой методики, методической грамотности исследователя, формулировки вопросов, соответствия вопросов респонденту его компетентности. Но, как верно заметил Б. Грушин, оценка компетентности/некомпетентности суждения масс затруднена из-за вынужденного субъективизма аналитика. «Объявления же этих суждений истинными или ложными недопустимы, поскольку всякое мнение содержит в себе не только знание о предмете, но и отношение к предмету, а последнее ...не может интерпретироваться в терминах “истины” или “лжи”» [4, с. 35]. Население современной России достаточно информировано и образовано, чтобы судить о многих сторонах не только своей собственной жизни, но и жизни страны, её бу-

дущего и прошлого. Знание мнений не только экспертов, которые не всегда беспристрастны и чистосердечны, часто окрашены субъективизмом, но и мнения масс, которые судят о тех или иных событиях со своей, несогласованной с начальством точки зрения, позволяет говорить о массовом сознании, о месте той или другой проблемы в этом общественном феномене.

В статье основное внимание будет уделено тем оценкам и отношениям, которые формируют в массовом сознании образ России, с акцентом на эмоциональное восприятие страны и на рациональные оценки «простых» людей, составляющих особого рода человеческую общность – массу, которая представлена в статье как массив респондентов, репрезентирующий население России.

Эмпирические данные. В центре исследования – данные онлайн-опроса в рамках Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проводимого по репрезентативной всероссийской выборке с 1990 года с периодичностью 4–5 лет. Руководителем мониторинга 1–7-й волн был член-корреспондент РАН Н. И. Лапин, 8-й волны – Л. А. Беляева. Последняя волна была осуществлена летом 2023 г. фирмой «Анкетолог». Обработку данных 8-й волны выполнила К. В. Ракова. В опросе участвовали респонденты от 18 лет и старше. Анкета включала 71 вопрос. Было сформировано три массива данных: всероссийская выборка репрезентирует население России по полу, возрасту, образованию, типу поселения – город/село (представлены все федеральные округа, в том числе мегаполис Москва), N = 1000; вторая выборка по СЗФО, третья – СКФО вместе с ЮФО. Две последние выборки репрезентативны по полу и возрасту и включают около 250 респондентов каждая. Кроме того, использованы данные онлайн-опроса, проведённого в июне 2020 г. по всероссийской квотной выборке двух молодёжных когорт 18–24 лет и 25–34 лет. Анкета содержала 80 вопросов. Опрошено 1700 человек – по 850 в каждой когорте. Контроль признаков: пол, уровень образования, тип поселения. В статье приводятся последние опубликованные данные Европейского социального исследования (ESS–2020), в котором участвовали 20 европейских стран, в том числе Россия¹.

Россия в массовом сознании населения: эмоции и рациональность

Российский национальный характер, а также аналогичные понятия – «народный характер», «психический склад нации», «дух народа», «психологические особенности народа», «базовая личность», «модаль-

¹ Европейское Социальное Исследование в России : официальный сайт. Москва, 2024. URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

ная личность», «этническое бессознательное», «коллективная душа», «народное сознание», «национальное самосознание», «национальный склад ума», которые доминировали в разные периоды в исследованиях психологов и социологов, стали всё чаще заменяться понятием «менталитет», «ментальность». При всей неопределённости и структурной расплывчатости этого понятия есть плодотворные попытки выделить набор базовых компонентов национального менталитета, составляющих его ядерный слой: 1) коллективная память; 2) социальные представления, установки и отношения; 3) закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения; 4) нормы, ценности и идеалы; 5) национальный характер и темперамент; 6) язык; 7) ментальные репрезентации культуры; 8) стиль мышления и социального восприятия; 9) поведенческие образцы; 10) национальная идентичность [15, с. 122]. Почти на всех этих компонентах (возможно, меньше на языке) лежит печать превалирования эмоциональности или рациональности, если говорить об обобщённом менталитете народа. Российский менталитет более склонен к эмоциональным, чем к рациональным акцентам в своих базовых компонентах. По мнению некоторых исследователей, россияне отличаются повышенной эмоциональностью и идеалистичностью, которые противостоят рациональности. Они считают, что Россия находится как бы между двумя макрорегионами с различной структурой характеров: западной европейской и дальневосточной (Китай, Япония), отличаясь от них своей природной реалистичностью, изначальной тревожностью, со сложными нравственными исканиями, переживанием неполноценности. В западном душевном устройстве (понятно, что речь идёт о самой обобщённой характеристике) преобладает рационалистический характер. На характере людей эмоционального, идеалистического склада души сказывается переживание изначальности духовного по отношению к телесному, материальному [22, с. 227]. При этом нужно обратить внимание на замечание авторов книги «Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований» [15, с. 117], которые используют понятие полиментальности, сформулированное В. Е. Семёновым [23]. Полиментальность точнее отвечает многокомпонентной реальности в России, чем представление об относительно едином для нации менталитете.

Понятие «российский менталитет» оказалось востребованным и по своему очень «удобным» для объяснения неуспеха российских реформ 1990-х гг., обнаружив свой незаурядный потенциал в выполнении как объяснительных, так идеологических и прочих функций (оправдание нашей неспособности жить по западным образцам и т. п.) [15, с. 106]. С изменением общественных условий и отношений менталитет спосо-

бен изменяться, оказывая в то же время влияние на трансформацию общества.

Эти особенности национального менталитета формируют такое социально-политическое явление, как патриотизм, который представляет собой многосоставное понятие, объединяющее эмоциональное и рациональное отношение к своей стране и идентификацию со страной, её историей и народом, а также отношение к своей «малой родине», месту, где человек родился или где он живёт в настоящее время. Патриотизм как сложное психологическое состояние и деятельность включает в себя эмоциональные черты – привязанность, сопереживание, заботу о благополучии, коллективные эмоции, чувства и настроения. Патриотизм – один из базовых компонентов национального менталитета.

Посмотрим, как это сказывается на отношении к местам, где живут россияне, и к России как стране – в сравнении с другими странами Европы. В эмпирическом исследовании 2023 года перед респондентами были поставлены несколько вопросов, позволяющих оценить уровень эмоционального отношения к стране и к локальностям, где живут респонденты.

Первый вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своей области/республике/краю?». Несмотря на все трудности жизни, 80% респондентов – жителей России, сказали, что рады и довольны, что живут в своём регионе, хотя из них почти 44% видят те или иные недостатки своего местожительства. 11% респондентов относятся равнодушно к месту своего пребывания, среди них почти половина говорят о привычке жить здесь и о нежелании поэтому куда-то уезжать. А у 9% респондентов зреет желание покинуть регион, 3% – хотят вообще уехать из России. При этом на территории северо-запада страны практически 90% респондентов довольны своим регионом проживания, несмотря на недовольство некоторыми обстоятельствами жизни. Только 5% опрошенных желают переехать в другой регион (3%) или вообще уехать из России (2%). Несколько другая ситуация на юге, здесь меньше – 83% респондентов довольны жизнью в регионе, 6% желали бы уехать в другой регион, а 2% – уехать из страны. Такие распределения ответов свидетельствуют об эмоционально положительном отношении россиян к своему месту жительства, укоренённости основной части населения, её привязанности к своей «малой родине», они не видят перспектив для себя на новом месте, опасаются трудностей обустройства и не собираются переезжать. Эта укоренённость, привязанность к месту жительства является традиционной чертой, ментальной ценностью российского населения. Недаром в России родились такие поговорки: «Где родился, там и содился», «Где сосна выросла, там она и красна», «В гостях быть – гостем слыть», «Скучно Афонюшке на чужой стороншке», «Чужая сторона прибавит ума. На стороне обтолкнут бока». Эти и де-

сятки других пословиц из книги В. Даля¹ репрезентируют эмоционально-положительное отношение к своей родине. При этом наблюдается зависимость этих настроений, привязанности к месту своего рождения и взросления от объективных характеристик респондентов. С повышением уровня образования снижаются оценки привязанности к «малой родине», но они повышаются при росте материальной обеспеченности, они выше у жителей сельской местности, чем у городских жителей.

И в целом укоренённость на своём месте жительства – отличительная черта россиян. По данным нашего опроса, более 25 лет в своём городе/посёлке/селе/деревне живут 60% опрошенных, 16–25 лет – 14% и только 26% – менее 15 лет. Подвижность населения, внутренняя миграция взрослых поколений в России довольно незначительны по сравнению с другими европейскими странами. Исключение составляет молодёжная когорта 16–29 лет, для которой продолжение учёбы после средней школы и трудоустройство в крупных или привлекательных с экономической точки зрения городах – основные причины миграции. По данным статистики, в 2000–2022 гг. внутренней миграцией в России были охвачены от 2,5 до 3,5 млн человек, или от 1,5 до 2,4% населения страны соответственно². Свою значительную лепту в «неподвижность» взрослого населения страны вносят плохие условия для перемещения к местам возникновения новых, современных рабочих мест, в частности – обеспеченность жильём. Таким образом, незначительная внутренняя миграция – следствие не только эмоциональной привязанности к месту, но и отсутствия доступных условий для внутренней миграции.

Основную долю во внутренней миграции составляет молодёжь, направляющаяся из сельских поселений и небольших городов в региональные центры и столичные города, что ухудшает демографическую ситуацию – в местах выезда наблюдаются старение населения, гендерные диспропорции, чрезмерная нагрузка на трудоспособное население. Глубинка уже становится «царством» очень пожилых женщин. Специалисты давно выказывают тревогу в связи с асимметрией внутренней миграции. «Можно себе представить будущее населения, в котором остаётся лишь 30% молодёжи, причём, вероятно, не самой выдающейся, подверженной негативной селекции. Исследование показывает демографическую обречённость российской глубинки» [24, с. 81].

Вопрос второй: «О каком месте на земле Вы можете сказать, что это Ваша родная земля?»: Привязанность к месту своего рождения и взросления (к так называемой «малой родине») оказывается самой распространён-

¹ Даль В. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М. : Гослитиздат, 1957. 991 с. URL: <https://vdahl.ru/чужая-сторона-прибавит-ума-на-стороне-обтолкнут-бока/> (дата обращения: 10.06.2024)..

² Российский статистический ежегодник. 2023. М. : Росстат. 2023. С. 110–111.

ной в ответах на этот вопрос. Об этом сказали 52% опрошенных, 23% назвали всю Россию своей родной землёй. Другие ответы «место, где сейчас живёт респондент» и «где живут его родные и близкие ему люди» выбрали 15 и 12% опрошенных соответственно. Именно «малая родина» вызывает у более половины россиян ассоциацию, что это родная земля. При этом у молодёжи 18–24 лет это чувство наиболее обострено – так считают 75% представителей этой когорты. Что это значит, сказать пока трудно, при этом заметим, что Россию как свою родную землю воспринимают только 15% молодёжи этой группы, что значительно меньше (разница до 11 п. п. по сравнению с показателями в других возрастных группах).

Вопрос третий касался уровня эмоциональной привязанности к России, который оценивался по 10-балльной шкале. Отвечая на соответствующий вопрос анкеты, 75% респондентов указали на сильную привязанность, на умеренную – 19%, на слабую – 6%. Прослеживается зависимость этих эмоциональных оценок от возраста и материального положения опрошенных (см. табл. 1), а уровень образования и место жительства (город/село) не оказывают заметного влияния.

Таблица 1

Уровень эмоциональной привязанности к России*, доля от опрошенных в группе, %

Группы по материальному положению и по возрасту	Уровень эмоциональной привязанности			Итого
	слабый	умеренный	сильный	
Материальное положение				
Нищие	11	29	60	100
Бедные	5	29	66	100
Необеспеченные	8	26	66	100
Обеспеченные	6	16	78	100
Зажиточные и богатые	2	13	85	100
Всего	6	19	75	100
Возрастные когорты				
18–24 года	14	34	52	100
25–34 года	7	22	72	100
35–44 года	5	20	75	100
45–54 года	4	17	79	100
55–64 года	5	14	81	100
65+	5	19	76	100
Всего	6	19	75	100

*Десятибалльная шкала переформатирована: 1–3 балла – слабая эмоциональная привязанность, 4–7 баллов – умеренная эмоциональная привязанность, 8–10 баллов – сильная эмоциональная привязанность.

У самых бедных и у молодёжи до 25 лет (эти группы частично пересекаются) самый низкий уровень эмоциональной привязанности к стране, что можно объяснить целым рядом объективных факторов. Это: материальная нестабильность, часто неустроенность в личной жизни, жилищные проблемы, большие риски трудоустройства, незавершённая социализация и т. д.

Насколько возможно утверждать, что именно в России у населения какая-то повышенная эмоциональность по отношению к своей стране? Ответить на этот вопрос можно, используя данные сравнительных исследований, которые осуществлялись в странах Европы и в России в рамках проекта Европейского социального исследования (ESS) в относительно спокойный период 2018–2019 гг. На фоне других европейских стран очень сильная эмоциональная привязанность к своей стране (с оценкой 10 баллов) была в России на среднеевропейском уровне, хотя и снизилась по сравнению с прошлыми периодами. Очень сильную эмоциональную привязанность к своей стране демонстрировали самые разные страны, максимальный показатель (10 баллов) у Кипра – 50% респондентов, Сербии – 42%, Польши – 39%, Венгрии – 36%, Австрии – 33% опрошенных. В России 30% респондентов отметили свою очень сильную эмоциональную привязанность к стране, что ниже, чем в перечисленных странах, но сопоставимо с Германией, Швецией и другими развитыми странами.

Эмоциональная связь со своей страной с повышением возраста усиливалась во всех странах Европы, в том числе в России (табл. 2). Самую большую привязанность к своей стране демонстрировала польская молодёжь и взрослое население этой страны [25].

Таблица 2

*Оценка эмоциональной привязанности к своей стране в возрастных категориях разных стран, средний балл по 10-балльной шкале**

Возраст, лет	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	6,6	7,4	7,2	6,7	6,3	6,2
25–34	6,8	7,9	7,6	7,3	6,9	7,5
45–59	7,4	8,7	7,8	7,8	7,6	8,2

*Формулировка вопроса: «Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своей стране?»

На отношение к своей стране воздействует формирование новых ценностных ориентаций под влиянием распространения интернета, сетевых мобильных связей и отношений, которые всё более заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением, влияя на идентификацию со своей страной. Молодёжь России выбирает и традиционалистские, и современные ценности и обнаруживает тенденцию

к универсализации ценностных ориентаций наряду с европейской молодёжью. Можно сказать об общих тенденциях существования устойчивой эмоциональной связи со своей страной – независимо от страны обитания, о присутствии в сознании жителей стран и традиционных, эмоционально окрашенных, и современных рациональных ценностей. В связи с этим обратим внимание на «взрослую молодёжь» России [26]. По данным нашего последнего опроса молодёжи, наблюдается определённая закономерность. По мере взросления молодёжи возрастает гордость за Россию, её историю, отношение к родине становится более рациональным, осознанным, а эмоциональная компонента начинает сокращаться.

На фоне высокого уровня эмоционального отношения к стране и месту жительства респондентов наблюдается рост рационального восприятия проблем общества с выраженной критической направленностью. Таковы оценки привлекательных и непривлекательных черт России, значимости прав и свобод граждан, критическое отношение к работе управленческих структур и социальных институтов и т. д.

Характерно единодушие в отношении привлекательных и непривлекательных черт России. Индекс привлекательности и непривлекательности страны, составленный на основе четырёх суждений – о красоте природы, природных ресурсах, оценках качеств людей, возможностей для инициативных граждан, продемонстрировал рационально-критическую направленность мнений респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Оценка привлекательных и непривлекательных черт России, доля респондентов, давших максимальную оценку (5 баллов из 5), %

Оцениваемые черты России: привлекательные (положительная оценка) / непривлекательные (отрицательная оценка)	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Разница положительных и отрицательных оценок
Красота природы / суровый климат	86	18	68
Природные богатства* / низкие темпы развития страны	78	24	54
Добрые, душевные люди / неприветливые люди	30	7	23
Есть возможности для инициативных людей / не любят инициативных людей	42	13	29

* Положительная оценка природных богатств была противопоставлена утверждению о низких темпах развития страны как отрицательная характеристика России, связанная с отраслевыми диспропорциями.

Разница между положительными и отрицательными оценками составила разительный контраст. Природное достояние России оценивается очень высоко, тогда как качества людей, возможности для инновационного поведения – значительно ниже. Чем это не оценка в массовом сознании достоинств и преимуществ страны и необходимости повышения доброжелательности и доверия в обществе и создания благоприятных условий для развития человека?

Во все годы мониторинга своё место занимает проблема соблюдения прав и свобод человека в России. Это один из маркеров рациональных оценок страны в массовом сознании. Важность оценок состояния общества в этом модусе свидетельствует о потребности в развитии демократических основ общества, в соответствии с главой 2 Конституции Российской Федерации. В юридической литературе существует множество классификаций индивидуальных (наряду с коллективными) прав и свобод, среди которых общепризнанной является классификация по сферам деятельности. Данный критерий классификации прав человека является общепринятым в международном и внутригосударственном праве и наиболее распространённым в правовой литературе. Соответственно этим сферам выделяются шесть классов (групп) прав человека: 1) прирождённые, неотчуждаемые права; 2) гражданские; 3) политические; 4) экономические; 5) социальные; 6) культурные [27]. В анкете мониторинга предлагалось оценить важность отдельных прав человека, относимых к этим классам.

Опрос 2023 года показал большой уровень значимости для респондентов большинства перечисленных в анкете прав и свобод, в то же время есть существенные различия в их поддержке (табл. 4). Пять позиций: 1) право безопасности и защиты личности; 2) равенство перед законом; 3) право на труд; 4) право на собственность; 5) право на образование и обучение находятся в приоритете, они в большей или в меньшей степени важны для более 90% опрошенных. Следующая группа прав – право народа на собственный язык, культуру и право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т. д. получила менее 90%, но более 80% голосов; свобода слова, религиозные свободы и свобода совести – в следующей группе, эти права набрали менее 80, но более 70% голосов; и последняя группа прав – наименее актуальная с точки зрения респондентов – право на эмиграцию и свобода объединений, групп, союзов – получила 46 и 53% голосов соответственно.

Как можно видеть, пять верхних позиций занимают права, обеспечивающие основные современные жизнеобеспечивающие потребности населения – занятость, образование, собственность, безопасность и защита законом. Их можно отнести к социально-экономической и правовой сфере общества.

Таблица 4

*Важность соблюдения прав и свобод человека,
доля от числа опрошенных по России, %**

Права и свободы	Оценка степени важности		
	очень важно	довольно важно	очень и довольно важно (суммарно)
Право на образование и обучение	76	18	94
Право на труд	70	23	93
Право на собственность	72	21	93
Право безопасности и защиты личности	62	29	91
Равенство перед законом	72	19	91
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т. д.	66	23	89
Право народа на собственный язык и культуру	55	30	85
Свобода слова	40	39	79
Религиозные свободы и свобода совести	43	34	77
Свобода объединений, групп, союзов	24	29	53
Право на эмиграцию	24	22	46

* Формулировка вопроса: «Насколько важно для Вас соблюдение следующих прав и свобод?»

Остальные права и свободы имеют социально-культурное, политическое и демократическое содержание. Они менее актуализированы в массовом сознании, особенно такие права, как свобода объединений, групп, союзов и право на эмиграцию. Разумеется, разделение прав и свобод на сферы условно, они переплетены и взаимосвязаны. Здесь важно подчеркнуть другое – приоритет в списке прав и свобод тех, которые обеспечивают занятость, образование как залог эффективного трудоустройства, право на собственность и безопасность личности как от посягательств со стороны преступников, так и с точки зрения соблюдения законности со стороны государства.

В оценке важности прав и свобод особую позицию занимает молодёжь 18–24 лет, у которой ранжирование прав почти совпадает с общими распределениями по трём массивам – общероссийскому, южному и северо-западному, но значительно отличается своей радикальностью в признании важности «свободы слова» (выше, чем в среднем по России, – на 6 п. п., по югу – на 9 п. п., по северо-западу – на 12 п. п.); «свободы объединений, групп, союзов» (выше, чем в среднем по России, – на 11 п. п., по югу – на 9 п. п., по северо-западу – на 20 п. п.), «права на эмиграцию» (выше, чем в среднем по России, – на 10 п. п., по югу – на 22 п. п.,

по северо-западу – на 16 п. п.). Эти права для молодёжи 18–24 лет менее значимы, чем права экономические и правовые, но рост их значимости по сравнению со всем населением знаменателен, это права человека демократического общества, и они закреплены в российской Конституции и актуализируются во всё большей мере у молодых жителей России. Этот вывод согласуется с мнением Н. Е. Тихоновой, которая на материалах эмпирических исследований показала, что для молодёжи до 25 лет при безусловном приоритете прав человека по отношению к интересам государства характерна бóльшая значимость прав социально-экономического характера, чем политические права и демократические свободы. Но динамика приоритетности прав и свобод столь высока, что можно уже в ближайшем будущем ожидать дальнейших сдвигов в этой области, особенно в крупных городах, и прежде всего в Москве [28].

Массовое сознание населения России довольно противоречиво, оно не монолитно, а дифференцировано в соответствии со структурными характеристиками общества и особенностями исторического этапа развития страны. В нём присутствуют и эмоциональные, и рациональные начала, соотношение которых определяется подвижными ценностными ориентациями и самоидентификационными практиками индивидов. По отношению к выбору модели развития России и своего собственного стремления жить в параметрах той или иной модели выбор большинства населения в 2023 году был вполне определён [29]. Свой – российский, самобытный путь для страны выбрали 61% опрошенных по всероссийской выборке и на северо-западе страны, в южных округах (65%). На втором месте модель, которая вбирает в себя лучшее, что есть в других странах (треть опрошенных выбрали этот путь для страны и примерно столько же хотели бы жить в такой стране). Западный путь развития привлекателен для меньшинства – его выбрали от 3 до 6% опрошенных, они полагают, что Россия должна жить по тем же правилам, что современные западные страны¹.

Проведённое исследование показало, что в массовом сознании населения России присутствуют традиционные и современные, западные и российские ценности. Выбирая самобытный российский путь для страны как приоритетный, респонденты заявили себя сторонниками демократических форм правления, желали бы соблюдения прав и свобод человека, прежде всего в экономической и социальной сферах как наиболее близких повседневным интересам людей. Есть все основания сделать вывод, основанный в том числе и на изучении мнения респондентов моло-

¹ Данные мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН за июнь 2023 г. показали вариативность мнения респондентов относительно пути развития России. В этом году 52% считали, что у России должен быть свой путь развития. Это совпадает с показателем 1992 года, когда страна стояла на перепутье в выборе модели развития, тогда как в более благополучные 2017 и 2020 гг. этот показатель был на уровне 42 и 33% соответственно. См.: [30].

дого и среднего возраста, что самобытный путь для России понимается большинством населения как путь суверенного государства, основанного на традиционных и гуманитарных ценностях, и отнюдь не означает желания жить в традиционном обществе, которое утратило многие свои черты под воздействием десятилетий модернизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сурков В. Долгое государство Путина: О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2019. 11 февраля.
2. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон ; пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М. : Изд-во АСТ, 2018. 384 с. ISBN 978-5-17-101642-5.
3. Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М. : Политиздат, 1971. 191 с.
4. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. : «Прогресс-Традиция». 2001. 624 с. ISBN 5-89826-074-9.
5. Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 3–15.
6. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М. : Мысль. 1980. 271 с.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
8. Кукушкина Е. И., Насонова Л. И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1991. № 1. С. 22–33.
9. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с. ISBN 5-318-00038-X.
10. Марченя П. П. Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3 (03). С. 86–90.
11. Горшков М. К. Динамика массового сознания в контексте социальной трансформации // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3 (75). С. 16–23.
12. Виноградова Л. В. Сущностные признаки массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 104–110.
13. Вебер А. Б. Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С. 60–78.
14. Михайлов В. А., Скудалова О. В. Массовое сознание и средства массовой информации // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2013. № 4. С. 21–31.
15. Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований / А. В. Юревич, А. Л. Журавлёв, В. А. Соснин [и др.]. М. : Институт психологии РАН. 2017. 424 с. ISBN 978-5-9270-0360-0. EDN ZFIOAR.
16. Дробужева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 480–498.
17. Злотникова Т. С. Массовое сознание в философской традиции и в современных интерпретациях // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 46–56. DOI 10.21146/0042-8744-2020-10-46-56. EDN YLPPJQ.

18. *Омега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах, 1998. С. 195–314.
19. *Выжutowич В.* Леонтий Бызов: Россияне хотят порядка в сочетании со справедливостью // Российская газета : [сайт]. 15.05.2014. URL: <https://rg.ru/2014/05/16/obshestvo.html> (дата обращения: 10.02.2024).
20. *Грушин Б. А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987. 368 с.
21. *Почепцов Г.* Анализ массового сознания для целей операций влияния: от социологов до спецслужб // Psyfactor.org : [сайт]. URL: <https://psyfactor.org/psyops/psyops8.htm> (дата обращения: 01.02.2024).
22. *Канарш Г. Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М. : Ленанд, 2020. 304 с. ISBN 978-5-9710-7050-4.
23. *Семёнов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 484 с. ISBN 978-5-288-04786-2. EDN QOKBQH.
24. *Кашницкий И. С.* Миграция молодёжи в России: влияние на возрастные структуры // Современные исследования миграции населения : сборник статей / Под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 79–93.
25. *Беляева Л. А.* Российская молодёжь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27. DOI [10.21146/0042-8744-2020-10-17-27](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27). EDN JRTZFP.
26. *Беляева Л. А.* «Взрослая» молодёжь в современном социальном пространстве России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 812–827. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827). EDN UYTEOF.
27. *Стремоухов А. В.* Основания классификации прав и свобод человека // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1 (27). С. 7–17. EDN PJEAXN.
28. *Тихонова Н. Е.* Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134–149. DOI [10.17976/jpps/2018.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.11). EDN YAEIAN.
29. *Беляева Л. А.* Цивилизационная идентичность населения в современной России: поиск исследовательских инструментов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 754–769. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769). EDN FKIWIZ.
30. Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года : [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.

Сведения об авторе

Л. А. Беляева

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
и. о. руководителя Центра
AuthorID РИНЦ: [614677](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=614677)
SPIN-код: [1122-4651](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=11224651)

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.1

MODERN RUSSIA IN COLLECTIVE CONSCIOUSNESS OF THE COUNTRY'S INHABITANTS

Ludmila Aleksandrovna Belyaeva

Institute of Philosophy of RAS,

Moscow, Russia,

bela46@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Modern Russia in collective consciousness of the country's inhabitants. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):6–26. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.1.

Abstract. The article explores collective consciousness as a theoretical construct, a type of social consciousness and as real attitude of the population towards Russia at the emotional and rational levels. It shows that modern collective consciousness in Russia is a product of mass culture, which actualized during modernization of the Russian society in the economic, political, cultural and everyday spheres of life. Today, it is influenced by mass and high-tech communications, while also reflecting the life experience of different generations. The research methodology is based on the interpretation of collective consciousness as the averaged consciousness of the whole mass of individuals in social groups; it erases individual differences, human characteristics, which in any single case may not be the same as collective consciousness, but impart collective consciousness a qualitative diversity. Empirically, the research is based on representative mass surveys – the Seventh Wave of the Russian Values and Interests Monitoring (Summer 2023), Russian Survey of Young Russian Adults (June 2020), European Social Study (ESS 2018–2019). The research attempts to determine whether the Russian mentality is more emotional than rational towards their “lesser motherland” or birthplace, their oblast/republic/krai, Russia as a country and the author suggests that these properties of mentality constitute characteristics of such a complex psychological phenomenon as Russian patriotism. The article reveals a growing rational perception of the problems of society with outspoken criticism amid high levels of emotional attitude of the respondents to the country and “lesser motherland”. Such is the evaluation of Russia's attractive and unattractive characteristics and the importance of civil rights and liberties, among which the rights that ensure people's basic modern life-supporting needs, such as employment, education, property, security and protection by law, were ranked first with more than 90% of respondents stating their support. There is also a cohort of young people aged 18–24, for whom political rights and democratic freedoms, enshrined in the Russian Constitution, become more important compared to other cohorts.

Keywords: collective consciousness, mass, everyday consciousness, mentality, emotionality, rationality, rights

Acknowledgements: The study is supported by the Russian National Science Foundation, grant No. 23-28-00539 “Values and interests of the Russian population in the context of civilizational challenges (the eighth wave of the All-Russian monitoring)”.

REFERENCES

1. Surkov V. Putin's long state: About what's going on here in general. *Independent Newspaper=Nezavisimaya Gazeta*. 11.02.2019. (In Russ.).
2. Lebon G. Psychology of peoples and masses. (translated from French by E. Pimenova, A. Friedman). Moscow: Izd-vo AST; 2018. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-101642-5.
3. Ashin G. K. The doctrine of "mass society" [Doktrina "massovogo obshhestva"]. Moscow: Politizdat; 1971. 191 p. (In Russ.).
4. Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1st. The era of Khrushchev. Moscow: Progress-Tradiciya; 2001. 624 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-074-9.
5. Diligensky G. G. Marxism and problems of mass consciousness [Marksizm i problemy' massovogo soznaniya]. *Questions of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 1983;(11):3–15. (In Russ.).
6. Uledov A. K. Spiritual life of society [Duxovnaya zhizn' obshhestva]. Moscow: My'sl'; 1980. 271 p. (In Russ.).
7. Prigozhin I. Philosophy of instability [Filosofiya nestabil'nosti]. *Questions of philosophy=Voprosy Filosofii*. 1991;(6):46–57. (In Russ.).
8. Kukushkina E. I., Nasonova L. I. Everyday and mass consciousness [Oby'dennoe i massovoe soznanie]. *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Science=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 1991;(1):22–33. (In Russ.).
9. Olshansky D. V. Psychology of masses. St. Petersburg: Piter; 2002. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00038-x.
10. Marchenya P. P. Modern approaches to the study of the masses and mass consciousness in history: trends and results. *Modern research on social problems=Sovremennyy'e issledovaniya social'ny'x problem*. 2010;(3):86–90. (In Russ.).
11. Gorshkov M. K. Dynamics of mass consciousness in the context of social transformation [Dinamika massovogo soznaniya v kontekste social'noj transformacii]. *Monitoring of public opinion=Monitoring obshhestvennogo mneniya*. 2005;(3):16–23. (In Russ.).
12. Vinogradova L. V. Essential signs of mass consciousness. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical=University Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2008;(73-1):104–110. (In Russ.).
13. Veber A. B. Masses and power: mass consciousness and the political system in Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2015;(1):60–78. (In Russ.).
14. Mikhailov V. A., Skudalova O. V. Mass consciousness and mass media. *Bulletin of TvSU. Series: Philosophy=Vestnik TvGU. Seriya: Filosofiya*. 2013;(4):21–31. (In Russ.).
15. Yurevich A. V., Zhuravlev A. L., Sosnin V. A. et al. Mass consciousness and behavior. Trends in social psychological research. Moscow: Institut psixologii RAN; 2017. 424 c. (In Russ.). ISBN 978-5-9270-0360-0.
16. Drobizheva L. M. The meanings of the all-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya*. 2020;(4):480–498. (In Russ.).
17. Zlotnikova T. S. Mass consciousness in the philosophical tradition and in modern interpretations. *Questions of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 2020;(10):46–56. (In Russ.). DOI [10.21146/0042-8744-2020-10-46-56](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-46-56).

18. Otega-i-Gasset H. Revolt of the masses [Vosstanie mass]. In: Psychology of the masses. Reader Comp. D. Ya. Raigorodsky. Samara: Baxrax; 1998. P. 195–314. (In Russ.).
19. Vy`zhutovich V. Leonty Byzov: Russians want order combined with justice. Rossijskaya gazeta. Available at: <https://rg.ru/2014/05/16/obshestvo.html> (accessed: 10.02.2024). (In Russ.).
20. Grushin B. A. Mass consciousness: experience of definition and research problems [Massovoe soznanie: opy`t opredeleniya i problemy` issledovaniya]. Moscow: Politizdat; 1987. 368 p. (In Russ.).
21. Pocheptsov G. Analysis of mass consciousness for the purposes of influence operations: from sociologists to special services. Psyfactor.org. Available at: <https://psyfactor.org/psyops/psyops8.htm> (accessed: 02.01.2024). (In Russ.).
22. Kanarsh G. Y. Justice, democracy, capitalism: ways of modernization of Russia in the XXI century. Moscow: Lenand; 2020. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-7050-4.
23. Semenov V. E. Russian polymentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of eras. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU; 2008. 484 p. (In Russ.). ISBN 978-5-288-04786-2.
24. Kashnitsky I. S. Youth migration in Russia: impact on age structures. In: Modern studies of population migration: a collection of articles. Ed. by E. V. Donets, O. S. Chudinovskikh. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova; 2015. P. 79–93. (In Russ.).
25. Belyaeva L. A. Russian youth in an era of change: structural changes and new challenges of political socialization. *Questions of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 2020;(10):17–27. (In Russ.). DOI [10.21146/0042-8744-2020-10-17-27](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27).
26. Belyaeva L. A. “Adult” youth in the modern social space of Russia. *Bulletin of RUDN University. Ser.: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya* 2022;22(4):812–827. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827).
27. Stremoukhov A. V. Bases for the classification of human rights and freedoms. *Leningrad Law Journal=Leningradskij juridicheskij zhurnal*. 2012;1(27):7–17. (In Russ.).
28. Tikhonova N. E. The relationship between the interests of the state and human rights in the eyes of Russians: an empirical analysis. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018;(5):34–149. (In Russ.).
29. Belyaeva L. A. Civilizational identity in modern Russia: search for research tools. *Bulletin of RUDN University. Ser.: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya*. 2023;23(4):754–769. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769).
30. How are you living, Russia? Express information. 53 stage of sociological monitoring, June 2023: [bulletin]. Moscow: FNISZ RAN; 2023. 91 p. (In Russ.).

Information about the Author

L. A. Belyaeva

Doctor of Sociology,
Leading Researcher, Head of the Centre
ResearcherID: [J-8006-2018](https://orcid.org/0009-0001-8006-2018)
Scopus AuthorID: [57193216019](https://orcid.org/0009-0001-57193216019)

The article was submitted 04.03.2024; proved after reviewing 10.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.